

МНО «НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ»

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (8) / 2015

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самровский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор

д.фил.н. Андреева И.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Международные индексы:

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамян К. Ш.
К ВОПРОСУ О КВАЗИАФФИКСАЦИИ.....4

Биткеев П.Ц., Биткеева Г.С.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПУТИ И МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ
ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ
РЕГИОНАХ.....6

Бородина Т. А.
СУБСТАНТИВНЫЕ ГРУППЫ СО СТРУКТУРОЙ
«SUB+(SUB)GEN» / «(SUB)GEN+SUB» /
«SUB+VON+SUB» / «PRONPOSS+SUB»
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТА
ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО СУЖДЕНИЯ.....9

Гаверилова Ю. В.
СИСТЕМНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК
СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИЙ ЭТНОГРАФИИ
И РИТОРИКИ.....13

Karimova Z. R.
THE BASIC CONCEPTS ABOUT SPECIFICITY
OF COGNITIVE APPROACH AND TRANSLATION
OF A LITERARY TEXT 14

Кузьмин А. А.
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИ-
ЧЕСКОЙ ГРУППЫ CRAFTSMEN (РЕМЕСЛЕН-
НИКИ) В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 18

Васютина Е. В.
ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ XXI В. 20

Жексекеева В. В.
КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА.....22

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тотиева А. Н.
ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ В РОМАНЕ -
ЭССЕ АНАТОЛИЯ ДЗАНТИЕВА «НЕБЕСНЫЕ
ШАХМАТЫ»..... 27

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамян К. Ш.

К ВОПРОСУ О КВАЗИАФФИКСАЦИИ

*доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и теории коммуникации
Ереванского государственного университета языков и социальных наук имени В.Я.Брюсова, г.Ереван*

ON THE PROBLEM OF QUASIAFFIXATION

Abrahamyan Karine, Doctor of Sciences, Professor, Head of the Chair of Linguistics and Theory of Communication, Yerevan State University of Languages and Social Sciences after V. Brusov, Yerevan

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению роли аффиксов в процессе словопроизводства. Исследование проводится на материале русского, армянского и английского языков. Сопоставительно - типологическому анализу подвергается явление так называемой грамматической десемантизации/ квазиаффиксации, определяемой как «пустая» аффиксация, в процессе которой дериваты образуются без какого-либо изменения лексического или грамматического значения производящего слова.

ABSTRACT

The paper is devoted to the investigation of the role of affixes in the process of word-formation. The study is carried out on the material of three languages - Russian, Armenian and English. Contrastive - typological analysis highlights the problems of the so-called “grammatical desemantization/ quasiaffixation” which is defined as an “empty” affixation, when derivatives are formed by affixes without any meaning change (lexical or grammatical) of the primary word.

Ключевые слова: грамматическая десемантизация; квазиаффиксация; аффикс; лексическое значение; грамматическое значение; дериват.

Keywords: grammatical desemantization; quasiaffixation; affix; lexical meaning; grammatical meaning; derivative.

Проблема разграничения корней и аффиксов, определения различных типов аффиксов, а также их роли в процессе деривации издавна привлекала и по сей день привлекает к себе внимание лингвистов.

Анализ большого массива языкового материала позволяет нам предположить, что в рамках данной проблематики существует еще одна, небольшая смежная проблема, которая до сих пор не исследована. Речь идет о тех случаях, когда присоединяемый в процессе словопроизводства аффикс, по существу, никак не меняет значения производящего слова. Подобное явление мы условно называем грамматической десемантизацией [1, с.20] или квазиаффиксацией.

Результаты исследования показывают, что наблюдаемое явление отчетливо прослеживается

на материале, в частности, глаголов и, на первый взгляд, вплотную связано с категорией аспектуальности, которая вплоть до настоящего времени сама по себе подразумевает неоднозначное толкование. Так, проведенный нами анализ глаголов современного русского языка позволил выявить три возможных типа корреляций между производящим и производным глаголами. Первой и наиболее распространенной является корреляция, при которой путем перфективации меняется лексическое значение производящего глагола, например, лететь-взлететь, варить-доварить, смотреть-недосмотреть¹.

Второй тип корреляций связан с так называемыми чистовидовыми префиксами, когда в образованном в результате имперфективации суффиксальном деривате в неизменном виде сохраняется

¹ Примеры отчасти приводятся по “Русской грамматике” [Русская грамматика: 1980]

лексическое значение производящего глагола при изменении его видовой принадлежности, например, выветрить-выветривать, вырубить-вырубать, раздуть-раздувать.

И, наконец, третий тип корреляций в русском языке прослеживается в тех случаях, когда при присоединении ряда префиксов происходит процесс, обратный предыдущему, а именно меняется лексическое значение производящего глагола при сохранении того же вида. К примерам подобного типа относятся, например, пары глаголов видеть-предвидеть, шифровать-зашифровать, переживать-сопереживать и т.д.

Известно, что в русском языке существуют и так называемые двувидовые глаголы, вид которых можно с точностью определить лишь исходя из их контекстуального употребления.

Проведенный сопоставительно-типологический анализ фактического материала русского, армянского и английского языков показал, что явление грамматической десемантизации/квазиаффиксации достаточно неоднозначно и выходит за рамки сугубо вербального словопроизводства в общетеоретическую проблематику.

Дело в том, что в армянском языке, как и в английском, “говорить о специальных средствах видообразования ... не приходится, так как видовых форм глагола в чистом виде не существует и они сращены с формами времен и наклонений” [3, с. 11]. И, тем не менее, во всех трех исследуемых языках обнаружены довольно “необычные”, “пустые” аффиксы – в основном суффиксы [5, с. 82]. Присоединение подобного аффикса не только не привносит никакого нового значения, будь то лексическое, грамматическое или словообразовательное, но и абсолютно афункционально. При подобной аффиксации имеет место процесс по сути обратный процессу нулевой аффиксации, когда налицо “эффект обманутого ожидания”: есть определенный материальный показатель, ожидается некоторое изменение какого-либо значения, но оно не следует. В связи с этим толковые словари армянского языка в подобных случаях отсылают непосредственно к производящему глаголу, например, fshshacnel-“tes` fshshal”, chaqvel-“tes` chaqel”, mormoqvel-“nuynne `mormoqel”:

Показательно, что в вышеприведенных примерах в производных глаголах не меняется не только лексическое значение, но и ни одна грамматическая категория – ни аспект, ни наклонение. Практически в подобных случаях можно говорить о четвертом типе корреляций между производящим и производным словами, когда, в отличие от

первых трех (см. выше), ничто не меняется ни в левой (производящая база), ни в правой (дериват) части своеобразного лингвистического “уравнения”, а результатом деривации являются формы, отличающиеся от производящих всего лишь стилистической маркированностью и то не всегда.

Специфика армянского языка проявляется в том, что “пустыми” в обнаруженных случаях выступают исключительно суффиксы. В исследованном материале это в основном суффикс страдательного залога –v- и суффикс –(a)cn-/(e)cn-, который является стандартным, категориальным маркером вербальной каузативности. Благодаря процессу грамматической десемантизации образуются производные глаголы, по сути дублирующие значение производящих: kmkmal-kmkmacnel, psp-sal- psp-sacnel, chaqchqel-chaqchaqvel. Как явствует из приведенных пар, в исследованном материале армянского языка это явление обычно наблюдается в тех случаях, когда производящий глагол имеет звукоподражательное происхождение.

При исследовании материала английского языка также было выявлено несколько интересных случаев “нетрадиционного” словопроизводства, когда при аффиксации план содержания отverbального глагола остается тем же, не меняется и его грамматическое значение. Однако специфика английского языка проявляется в том, что все обнаруженные примеры, в отличие от армянского языка, образованы посредством присоединения префиксов. К примерам подобного рода можно отнести, например, такой производный глагол, как ex-cogitate-“(книжн.)1. выдумывать, придумывать неодобр., тж. измышлять; 2(амер.) размышлять, обдумывать”.

Если сравнить данный дериват с производящим глаголом, то фактически разница улавливается лишь в стилистической окрашенности: cogitate- “1. (серьезно) обдумывать, размышлять, 2. редк. придумывать (что-либо)”.

Очевидно, что в данном примере префикс ex- неожиданно оказывается семантически и грамматически абсолютно “пустым”. В результате префиксации не происходит ни наращивания объема семантической структуры за счет появления ожидаемого нового лексико-семантического варианта, ни переисчисления значений.

Интерес представляют также пары глаголов gape-agape(obs.), begape (obs.); grope-agrope(obs.); find-afind(obs.), befind(obs.); look-belook(obs.), for-look (obs.) и т.д.

Вышеприведенные примеры, в отличие от глагола cogitate, абсолютно точно иллюстрируют процесс разрушения грамматической категории

вида в среднеанглийском периоде развития английского языка, когда некоторые аффиксы приобретали самостоятельное значение, а ряд аффиксов свое значение потеряли, вследствие чего образованные посредством их дериваты с течением времени постепенно вышли из употребления.

Что касается русского языка, то грамматическая десемантизация или квазиаффиксация прослеживается лишь в безличных формах дериватов, типа кричаться, плакаться и т.д. Например, плакаться – “жаловаться на что-н., сетовать”.

Интересно, что иногда, как и в ряде случаев английского и армянского языков, подобные безличные употребления сопровождаются сниженной стилистической окраской, например, зябнуть – “несов. неперех. разг. сниж.; безл. 1. об ощущении холода. 2. о появлении дрожи, озноба”.

Нами выявлены также случаи, аналогичные дериватам армянского языка, когда в толковых словарях вместо дефиниции дается отсылка к исходному глаголу [8, с.87]. Например, выстрадаться – “сов. разг. то же, что выстрадать”, иззябнуться – “разг. то же, что иззябнуть”, понатерпеться – “разг. то же, что натерпеться”.

Как видно из приведенных примеров, грамматическая десемантизация и в этих случаях сопровождается понижением стиля дериватов.

Подводя итог проведенного небольшого исследования, можно отметить следующее.

Явление грамматической десемантизации/квазиаффиксации имеет место во всех трех изученных языках и, по всей видимости, является своего рода языковой закономерностью, достойной описания и дальнейшего глубокого изучения. При расширении спектра сопоставляемых языков это явление может претендовать на статус еще одной языковой универсалии.

«Список литературы»

1. Абрамян К.Ш., Когнитивные отношения в словообразовании (на материале непроизводных глаголов английского языка в сопоставлении с армянским и русским). Автореф. докт. дис-ции. - Ереван, 2007.
2. Ефремова Т., Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). - Дрофа: Русский язык, 2000.
3. Маркарян Р.А., Очерк русской морфологии в сопоставлении с армянской. -Ереван: Изд-во ЕГУ, 2007.
4. Ожегов С., Шведова Н., Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.Виноградова. - 4-е изд., дополненное. – М., 2003.
5. Плунгян В. А., Общая морфология, -М.: УРСС, 2003.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Ушакова. - М.: ООО “Издательство АСТ”, 2000.
7. Աղայան Է. Բ., Արդի հայերենի բացատրական բառարան, -Երևան: «Հայաստան» Հրատարակչություն, 1976, II հ:
8. Ջաղացյանյան Ռ.Վ., Անգլերենի ցավանիշ բայերի բառակազմական բների լեզվաճանաչողական վերլուծությունը հայերենի եւ ռուսերենի զուգադրությամբ: Թեկն. առ., -Երևան, 2014:
9. The Oxford English Dictionary. -Oxford, 1933. V.1-12.
10. Webster's 3rd New International Dictionary of the English Language. 2-nd ed., 2v. -London, 1961.

Биткеев П.Ц.¹, Биткеева Г.С.²

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИЧЕСКИЕ ПУТИ И МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ*

¹д.ф.н., проф. г.Элиста

²к.ф.н., доцент Калмыцкого Государственного университета

1. Язык - важнейший признак этноса является, как известно, базовой основой и средством реализации высшей формы человеческой деятельности – мыслительной деятельности, которая непосредственно связана с сознанием человека.

* *Статья написана по результатам выполнения гранта РГНФ № 14-04-00613*

Любой язык выступает как средство передачи историко-культурного наследия своих носителей и представляет собой неотъемлемую составную часть общечеловеческой сакральной ценности.

Поэтому сегодняшняя языковая ситуация в национальных регионах является отражением состояния национальных культур и возможных перспектив их дальнейшего развития.

Однако очень многие языки в мировом масштабе испытывают сегодня весьма сложные ситуации, поскольку процессы угасания и исчезновения языков нарастают с каждым днем, обретая во многих случаях необратимый характер, что приводит, как отмечал еще А.А. Потебня, к «денационализации этноса». К сожалению, эта негативная тенденция не миновала и нашу страну, где проживают носители более ста языков разных структурных типов. И почти половина из них приходится на регион Северного Кавказа.

Поэтому потеря языка – это величайшая трагедия для его носителей и невосполнимая утрата для мировой цивилизации. Естественно, это хорошо осознают деятели науки, образования, культуры, общественные, государственные деятели, а также и международные организации, которые предпринимают посильные меры по спасению языков. Убедительным примером чего может служить объявление ЮНЕСКО 20 февраля Днем родного языка, неоднократные указания Президента РФ о необходимости развития культур народов нашей страны и нравственном совершенствовании общества.

2. Однако проблема, связанная с угасанием и исчезновением языков, относится к сложным социально культурным явлениям современных обществ. Причин, которые являются катализаторами дальнейшего угасания языков, много. Одни из них являются объективными, например, мировой процесс глобализации, официальная языковая политика, социально-культурная жизнь их носителей и другие. Иные причины связаны с нашей беспомощностью, неподготовленностью, а самое главное, непрофессиональным подходом к решению проблемы и, как следствие, не учитывается и наглядный факт, что сам язык – это сложное явление. Для владения языком необходимо освоить его систему, его структурные элементы, материальную часть – необходимый объем лексики, морфологических единиц, синтаксических конструкций и другие компоненты, а также научиться пользоваться ими и говорить на этом языке. Поэтому без учета всех этих и других аспектов проблемы невозможно выстроить надежный барьер процессу угасания, увядания и исчезновения языков. Поэтому не только российский, но и мировой опыт разных попыток преодолеть негативный процесс не дает утешительных результатов.

Все это требует необходимость создания научно обоснованной базовой универсальной концепции, которая позволит создать надежную преграду процессу дальнейшего угасания и исчезновения языков.

3. Эффективным проектом решения проблем языковой ситуации в современных условиях полилингвальности может служить комплексная научно обоснованная концепция, которая называется «Трехступенчатая теория сохранения и развития языков в современных условиях полилингвальности» или концепция «Живой язык».

Концепция направлена на решение актуальных проблем языковой ситуации, имеющих региональное и международное значения - сохранение и развитие угасающих языков, на совершенствование уровня общегосударственного языка страны, языка межнационального общения – русского языка, на гармоничное взаимодействие языков и утверждение реальной полилингвальности,

Она нацелена на решение актуальных проблем языковой ситуации в национальных регионах и в их населенных пунктах. Она универсальна, может быть использована как для сохранения угасающих языков, так и для развития, совершенствования полноценно функционирующих языков. Концепция построена на восьми научно обоснованных принципах, которыми являются: полилингвальность, двухобъектность, многоаспектность, комплексность, системность, последовательность, универсальность, результативность.

Новыми и наиболее актуальными являются следующие принципы:

Принцип двухобъектности. При решении языковых проблем, в частности, по спасению угасающих языков необходимо учитывать то обстоятельство, что имеем дело с двумя весьма непростыми объектами. Одним из них является простой по своему содержанию, структуре и функциональной роли объект - сам язык, подлежащий освоению и владению.

Другим объектом в этом процессе является сам реальный и потенциальный носитель языка, который должен принять для себя решение по освоению материнского или любого другого языка. Программа не допускает принуждения в отношении предполагаемых носителей языка – участников в практической реализации программы сохранения и развития языков.

Другим новым аспектом концепции является принцип полилингвальности. При рассмотрении вопроса о необходимости сохранения и развития угасающего языка обычно имеют в виду отдельно взятые угасающие языки, чаще всего один

язык. Однако характерной особенностью сегодняшней языковой ситуации во всем мире, особенно в нашей стране является многоязычность, поскольку происходит активный процесс взаимодействия языков. В этой связи возникает необходимость проводить работы по спасению угасающих языков в тесной увязке с другими языками. Тем более, что современные условия социально-культурной жизни общества требуют владения как минимум двумя языками - материнскими языками народов региона и государственным языком страны – русским языком, а жизнь требует владения тремя и более языками.

Концепция предусматривает необходимость учета путей и условий контаминации языков. Другие принципы также очень важны при решении проблем языковой ситуации.

Положения концепции предусматривают исследования языковых ситуаций путем использования лингвосociологических методов, компьютерной технологии, а также изучения систем языков, речевой деятельности, этнолингвистических особенностей, создания научно обоснованной базы учебных программ, учебной литературы и методики обучения, отвечающей современным требованиям лингводидактики.

Настоящая концепция нацелена на сохранение и развитие языков, независимо от того, на какой ступени языковой ситуации они находятся, с какими типами языков они взаимодействуют. В структурном отношении она состоит из трех разноплановых, но внутренне взаимосвязанных между собой частей, отражающих соответствующие аспекты проблемы языковой ситуации, которые могут быть представлены следующим образом.

Первая часть нацелена на определение языковой ситуации в регионах и их населенных пунктах путем соответствующего анкетного обследования и опроса реальных и потенциальных носителей языков по специальной методике лингвосociологических исследований. Результаты обследования должны быть представлены в виде компьютерных диаграмм для последующих исследований, выводов и рекомендаций.

Вторая часть – это важное направление исследования, которое представляет собой изучение системы языка, различных ее уровней, частотности употребления и характер функционирования лексических и морфологических единиц, синтаксических конструкций, особенностей этнолингвистических, лингвокультурологических явлений языка, имеющих непосредственное отношение к проблемам языковой ситуации. К ним относятся и вопросы заимствования, характер взаимодействия

языков, в том числе и языков различных типов. Важным аспектом исследования по этой концепции является использование методов корпусной лингвистики.

Третья часть – это наиболее сложный аспект при решении проблем языковой ситуации. Это исследования, предусматривающие разработку программ и методов обучения языку, составление учебной литературы с учетом всех составных компонентов, связанных с оживлением и развитием языков. Эта часть концепции нацелена на создание лингвистически и методически обоснованных теоретических положений с целью формирования исходной базы для разработки отвечающих современным требованиям лингводидактики новых программ обучения, удобных для усвоения языка способов и методов, новых подходов с целью создания современной учебной литературы. При этом учебная литература должна создаваться с учетом разных по уровню владения языками реальных и потенциальных их носителей. К этому направлению исследования относится, и разработка специальных принципов и методов обучения языкам.

Универсальный характер настоящей концепции позволяет использовать ее применительно к разным языковым ситуациям. Она может служить основой при разработке частных программ, предназначенных для групп людей, в разной степени владеющих или не владеющих языком, для учащихся разного возраста, студентов, преподавателей языковых дисциплин. Концепция может быть использована в качестве исходной концептуальной основы программ для решения проблем языковой ситуации в национальных регионах нашей страны.

4. Необходимость использования в процессе оживления и развития языков всех аспектов их функционирования очевидна. В результате игнорирования ряда функций язык утрачивает свою естественность, внутреннее богатство, гибкость, выразительность, что приводит его к увяданию, угасанию, деградации и, как следствие, наступает негативный этап – исчезновение языка. Поэтому предлагаемая концепция предусматривает необходимость использования этнокультурных, этнопсихологических, социально-культурных особенностей языка. Активизация функций языка также обязательна для оживления угасающих языков, совершенствования полнокровно функционирующих языков.

5. Трехступенчатый характер концепции распространяется и на процесс обучения языку, с учетом степени владения или не владения языком

обучающимся. Концепция предусматривают следующие три ступени обучения языкам.

Первая ступень называется «Первое дыхание». Она предназначена для решения проблемы овладения языком людьми, которые начинают с нулевого или около нулевого уровня владения языком.

Вторая ступень называется «Следующее дыхание». Она предназначена для обучения языкам людей, прошедших первую ступень обучения или достигших уровня, равного первой ступени владения языком.

Третья ступень называется «Дыхание – радость». Она предназначена для использования в отношении людей, относительно свободно владеющих языком.

Настоящая программа нацелена на сохранение и развитие угасающих языков, на развитие

полнокровно функционирующих и гармонично взаимодействующих языков, на развитие в регионах полилингвальности, которая должна стать нормой жизни нашего современника.

Поэтому концепция «Трехступенчатая теория сохранения и развития языков» или «Живой язык» - это универсальная, комплексная научно-исследовательская и образовательная программа, направленная на решение актуальных в современном мире проблем языковой ситуации, имеющих региональное и международное значения - на сохранение и развитие угасающих языков. Она направлена на совершенствование уровня владения общегосударственным языком страны, языком межнационального общения – русским языком и на утверждение реальной полилингвальности, на решение актуальных социально-культурных проблем общества.

Бородина Т. А.

СУБСТАНТИВНЫЕ ГРУППЫ СО СТРУКТУРОЙ «SUB+(SUB)GEN» / «(SUB)GEN+SUB» / «SUB+VON+SUB» / «PRONPOSS+SUB» КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТА ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО СУЖДЕНИЯ

кандидат филологических наук, преподаватель, Воронежского государственного университета, г. Воронеж

*SUBSTANTIVE GROUPS WITH STRUCTURE «Sub+(Sub)Gen» / «(Sub)Gen+Sub» / «Sub+von+Sub» / «PronPoss+Sub» AS A MEANS OF EXPRESSION OF THE OBJECT OF THE IDENTIFYING STATEMENT
Borodina Tatiana Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, teacher of Voronezh State University, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе проводится анализ средств выражения объекта идентифицирующего суждения. С помощью контекстуального и когнитивно-семантического методов устанавливается зависимость выбора изофункциональных структур «Sub+(Sub)Gen» / «(Sub)Gen+Sub» / «Sub+von+Sub» / «PronPoss+Sub» от типа объекта идентифицирующего суждения и характера признаков, на основании которых осуществляется идентификация.

ABSTRACT

In this paper means of expression of the object of the identifying statement are analyzed. Contextual and cognitive-semantic methods allow establishing the dependence of the choice of isofunctional structures «Sub+(Sub)Gen» / «(Sub)Gen+Sub» / «Sub+von+Sub» / «PronPoss+Sub» on the type of the object of the identifying statement and the nature of characteristics, with reference to which identification is done.

Ключевые слова: идентификация, языковые средства выражения, контекстуальный и когнитивно-семантический анализ.

Keywords: identification, linguistic means of expression, contextual and cognitive-semantic analysis.

Феномен идентификации присущ для любой ментальной деятельности человека, он является важной составляющей процессов индивидуализа-

ции личности и её социализации, способом интерпретации и понимания другого человека. Установление тождества между определёнными сущно-

стями имплицитно присутствует в каждом акте познания и коммуникации, результат этого процесса фиксируется в идентифицирующем суждении. Однако вербализация идентификации и / или её результата осуществляется не всегда, а только при определённых условиях. В связи с этим возникает необходимость изучения соответствующих языковых средств и факторов, определяющих их выбор [1, с. 3].

Средством именованья объекта идентификации могут служить изофункциональные субстантивные группы с генитивным или предложным атрибутом. Морфологически эти структуры представлены следующим образом: «Sub+(Sub)Gen» (Vielleicht ist es ja doch der Agent des Rocksängers?); «(Sub)Gen+Sub» (Das ist Hildebrands Unterschrift); «Sub+von+Sub» (Die Lehrerin von Gritli Moser?); «PronPoss+Sub» (Ist es Ihr Mann?).

Общим для всех приведённых форм является то, что объектом идентифицирующего суждения является определённое отношение, например, родственное, общественное, межличностное отношение личности к другой личности (Ist das da die Frau des Russen? / Vielleicht ist es ja doch der Agent des Rocksängers?); отношение принадлежности артефакта личности (Der Dienstwagen Keienburgs); отношение «действие, совершаемое личностью» (Das ist Hildebrandts Unterschrift); отношение между явлением и причиной, вызвавшей это явление (Sind das Symptome des Erwachsenseins?); отношение «части и целого» группы людей (Das hier ist Leutnant Reicke von unserer Kompanie); отношение включения конкретной ситуации в определённый класс / тип ситуаций (Wahrscheinlich wieder so ein langweiliger Fall von Ehescheidung).

Различными могут быть признаки, являющиеся основанием для идентификации. Характер признаков в настоящем исследовании определялся по контексту идентифицирующего высказывания. В зависимости от типа объекта суждения и особенностей выделяемых признаков все проанализированные высказывания были распределены на следующие четыре подгруппы.

Первая подгруппа представлена высказываниями, объектом идентифицирующего суждения которых является какое-либо отношение личности к другой личности. Следует при этом заметить, что средством именованья объекта в этом случае могут быть все приведённые выше формы, т.е. «Sub+(Sub)Gen» / «(Sub)Gen+Sub» / «Sub+von+Sub» / «PronPoss+Sub». Выбор средств выражения зависит от признаков, на основании которых

осуществляется идентификация. Проследим выявленные корреляции, анализируя высказывания первой подгруппы.

Признаками, являющимися основанием для идентификации, служат, во-первых, признаки личности, с которой устанавливается определённое отношение. Объект идентификации именуется в таких высказываниях формой «Sub+(Sub)Gen». Проиллюстрируем сказанное на следующем примере. Секретарь Беа знает, что идентифицируемая ею личность является чьим-то агентом. Это означает, что в данной ситуации признаками идентификации не являются признаки этой социальной роли. Основанием для идентификации служат признаки той личности, с которой устанавливается отношение «агент – какая-то личность». Это отношение вербализуется группой слов *der Agent des Rocksängers*. Объектом именованья служит личность в целом: «Ja, richtig», sagt der Kellner, «der Herr ist schon da. Kommen Sie.» *Bea ist ganz neugierig. Vielleicht ist es ja doch der Agent des Rocksängers* [5, S. 10].

Во-вторых, основанием для идентификации являются признаки самого объекта идентификации. Объект, с которым устанавливается отношение, уже известен субъекту идентификации. Объект идентифицирующего суждения вербализован структурой «(Sub)Gen+Sub» или «PronPoss+Sub». Проанализируем следующий пример. Из контекста произведения известно, что кто-то убил Шмидта. При этом Шмидт был знаком и адресанту, и адресату. Другими словами, признаки личности *Schmied* уже известны и не выделяются в процессе идентификации объекта, именованного *Schmieds Mörder*. Признаками, с помощью которых проходит идентификация, являются признаки роли «убийца»: «Ja, Tschanz, ich weiß es», sagte Bärlach fest und ruhig, aber ohne dabei die Stimme zu heben, als spräche er von etwas Gleichgültigem. «Du bist Schmieds Mörder» [3, S. 117].

В-третьих, в процессе идентификации могут одновременно выделяться и признаки объекта идентификации, и признаки личности, с которой устанавливается отношение. Субстантивная группа, именуемая объект идентификации, имеет форму «Sub+von+Sub». В следующем примере объектом идентифицирующего суждения является отношение двух личностей, вербализуемое группой слов *Die Lehrerin von Gritli Moser*. Учительница Крумм не знакома субъекту идентификации. Поэтому субъект идентификации не может знать, знает ли объект идентификации (и в данном случае одновременно адресант) Гритли Мозер. Поэтому

основанием для идентификации являются одновременно признаки двух объектов: учительницы и Гритли Мозер: Die Lehrerin dirigierte, ließ die Hände sinken und sah uns misstrauisch entgegen. Die Kinder hörten auf zu singen.,Fräulein Krumm? ²,Bitte? ²,Die Lehrerin von Gritli Moser? ²,Was wünschen sie von mir? [4, S. 49].

Ко второй подгруппе относятся высказывания, объект суждения которых представляет собой отношение принадлежности артефакта личности, а также действия, совершаемого личностью. Объект идентифицирующего суждения этой подгруппы, как и высказываний первой подгруппы, выражается одной из четырёх выявленных форм: «Sub+(Sub)Gen» / «(Sub)Gen+Sub» / «PronPoss+Sub» / «Sub+von+Sub». Как показал анализ высказываний второй подгруппы, признаками, распознаваемыми во время идентификации, являются, во-первых, признаки личности, которой принадлежит артефакт. Так, в приводимом ниже примере признаки артефакта не служат основанием для идентификации, поскольку, как видно из предтекста, артефакт уже опознан. Результат его идентификации вербализован высказыванием Ein schwarzer Mercedes 220. Основанием для идентификации служат признаки личности Keienburg, которой принадлежит уже опознанный автомобиль. В высказывании Der Dienstwagen Keienburgs объект идентификации именован субстантивной группой с формой «Sub+ (Sub)Gen»: Ein schwarzer Mercedes 220. Ich erschrak. Heilige Madonna, jetzt steh mir bei! Der Dienstwagen Keienburgs. Wie kam der nach Baesweiler? [2, S. 70].

В ходе идентификации опознаются, во-вторых, артефакты, принадлежащие личности, а также действия личности. Объект идентификации выражается формой «(Sub)Gen+Sub» или «Pron Poss+Sub»: Der Oberscharführer sah ihm über die Schulter. Das ist Hildebrandts Unterschrift, bestätigte er. Ich kenne sie [7, S. 247]. Er sah eine Frau in einem Nerzmantel, die auf einem roten Plüschsessel vor dem zerstörten Hause gegenüber saß... Wahrscheinlich ihr Schmuck, dachte er und begann in den Schubladen nach Elisabeths Schmuck zu suchen [7, S. 258].

В-третьих, признаками, по которым проходит идентификация объекта, служат одновременно признаки личности и признаки её действия. Это наблюдение основывается на данных контекста идентифицирующего высказывания. Так, в следующем примере в предтексте высказывания приведены признаки какого-то действия какой-то личности. Ни само действие, ни личность не известны

до момента идентификации. Поэтому объект идентифицирующего суждения «действие личности» вербализуется группой слов «Sub+von+Sub»: «Warum zeigte der hinterhältige und anscheinend zielsichere Mann plötzlich seine Visitenkarte? Er hatte es doch gar nicht nötig, ja, von seiner Warte gesehen war es geradezu leichtsinnig, aus der Dunkelheit seiner bisher so streng gehüteten Anonymität hervorzutreten!» - «Vielleicht ist es nur ein Scherz von Schörner», mutmaßte Penzlin [2, S. 151].

Третью подгруппу образуют высказывания, объект идентифицирующего суждения которых – это отношение между явлением и причиной, вызвавшей это явление. Объект идентифицирующего суждения этой подгруппы выражается субстантивной группой с формой «Sub+(Sub)Gen». Так, в приводимом ниже примере основанием для идентификации служат признаки причины состояния личности (Sind das Symptome des Erwachsenseins?): An das «Espresso» denke ich jetzt wie an ein fernes Land hinter dem Meer, und an alle unsere Freunde wie an eine Familie, aus der ich halb entführt und halb verstoßen bin. Sind das Symptome des Erwachsenseins? [6, S. 6].

К четвёртой подгруппе относятся высказывания, объектом суждения которых служит отношение «части и целого»: отдельный человек – группа людей, а также отношение включения конкретной ситуации в определённый класс / тип ситуаций. Единицей выражения объекта суждения служит структура «Sub+von+Sub». Признаками, на основании которых проходит идентификация, являются признаки личности и признаки группы, к которой принадлежит личность. Основанием служат также признаки конкретной ситуации, а также признаки типа ситуации. Критерием выделения признаков, на основании которых проходит идентификация, служит критерий «известность / неизвестность объекта до момента идентификации»: Steinbrenner steckte das Geld ein. «Ich glaube, es ist Reicke», sagte Graeber. - «Was?» - «Das hier ist Leutnant Reicke von unserer Kompanie. Da sind seine Schulterstücke» [7, S. 10]. «Ich bin mit einem Herrn Schreier im Restaurant Hardkte verabredet. Dieser Herr Schreier hat heute früh angerufen. Hoffentlich bekommen wir einen neuen Fall...» - «Wahrscheinlich wieder so ein langweiliger Fall von Ehescheidung», sagt Bea [5, S. 9].

Обобщённо результаты проведённого анализа можно представить в следующей таблице.

Таблица 1

Факторы, определяющие выбор средств вербализации идентифицирующего суждения

Тип объекта идентифицирующего суждения	Признаки, по которым происходит опознавание объекта идентификации		
	признаки объекта, с которым объект идентификации устанавливает отношение	признаки объекта идентификации, устанавливающего отношение с другим объектом	признаки объекта идентификации + признаки объекта, с которым устанавливается отношение
	Морфологическая форма средств выражения		
	Sub+(Sub)Gen	(Sub)Gen+Sub / PronPoss+Sub	Sub+von+Sub
отношение личности к другой личности	+	+	+
отношение принадлежности артефакта личности;	+	+	-
отношение действия, совершаемого личностью	-	+	+
отношение между явлением и причиной, вызвавшей данное явление	+	-	-
отношение «часть-целое» отдельной личности и группы людей; отношение включения ситуации в определённый класс / тип ситуаций	-	-	+

Таким образом, проведённый анализ показал, что выбор субстантивных групп с формами «Sub+(Sub)Gen» / «(Sub)Gen+Sub» / «Sub+von+Sub» / «Pron Poss+Sub» зависит, в первую очередь, от типа объекта идентифицирующего суждения. Так, родственное, межличностное, общественное отношение личности к другой личности, а также отношение принадлежности артефакта личности могут вербализоваться каждой из представленной структур. Действие, совершаемое личностью, выражается субстантивными группами типа «(Sub)Gen+Sub» / «Sub+von+Sub». Отношение причины вербализуется в проанализированном материале только структурой с генитивным атрибутом «Sub+(Sub)Gen». Включение конкретной ситуации в определённый тип / класс ситуаций, а также отношение «части и целого» между отдельной личностью и группой людей выражается только субстантивной группой «Sub+von+Sub».

Выбор структур, вербализующих один и тот же объект идентифицирующего суждения, зависит от характера признаков, на основании которых

проходит идентификация. Так, структурой «Sub+(Sub)Gen» выражается объект суждения, если признаками, выделяемыми в ходе идентификации, являются свойства объекта, с которым идентифицируемый объект устанавливает то или иное отношение. Субстантивные группы «(Sub)Gen+Sub» и «PronPoss+Sub» вербализуют объект суждения, если признаками идентификации служат признаки объекта идентификации, устанавливающего то или иное отношение с другим объектом.

Структура «Sub+von+Sub» выражает объект идентифицирующего суждения в том случае, если идентификация осуществляется с помощью комплекса признаков: признаков объекта идентификации и признаков объектов, с которыми устанавливается определённое отношение.

Список литературы

1. Бородина Т.А. Идентифицирующее высказывание: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких художественных текстов): Автореф. дисс. ... канд. филол.

- наук / Бородина Татьяна Александровна. – Воронеж, 2008. – 22 с.
2. Boas H. Der Mörder kam aus dem Toten Mann / H. Boas. - Moskau.: Airiss-press, 2005. - 352 S.
 3. Dürrenmatt F. Der Richter und sein Henker. Grieche sucht Griechin. - СПб.: КОРОНА принт, КАРО, 2005. - 288 с.
 4. Dürrenmatt F. Das Versprechen. Requiem auf den Kriminalroman / F. Dürrenmatt. - М.: Menedscher, 2006. - 176 S.
 5. Felix&Theo Einer singt falsch / Felix&Theo. - Berlin; München: Langenscheidt, 1993. - 48 S.
 6. Honigmann B. Alles, alles Liebe! / B. Honigmann. – München: Carl Hanser, 2000. - 178 S.
 7. Remarque E.M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben / E.M. Remarque. - М.: JUPITER-INTER, 2007. - 356 S.

Гаврилова Ю. В.

СИСТЕМНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИЙ ЭТНОГРАФИИ И РИТОРИКИ

Кандидат филологических наук, доцент, московского гуманитарного университета

SYSTEMIC LINGUISTICS IN THE ETHNOGRAPHIC-RHETORICAL TRADITION

Gavrilova Julia, candidate of science, assistant professor of the Moscow University for Humanities

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изложению базовых понятий теории системной грамматики, которая была разработана на основе идей Лондонской школы языкознания. Создателем теории был британский учёный Майкл Халлидей. Направление сочетает в себе основы риторики и этнографические аспекты, постоянно развивается и широко применяется в практике лингвистических исследований.

Ключевые слова: система, структура, матрица, ситуация, язык, метафункция, культура.

ABSTRACT

The article deals with basic principles of systemic grammar developed on the basis of the London school of linguistics. The founder of the theory was British scientist Michael Halliday. The theory combines in itself key principles of rhetoric and ethnography and is a developing field as it is widely used in carrying out practical linguistic research.

Key words: system, structure, matrix, situation, language, metafunction, culture.

На современном этапе развития науки системная лингвистика (или системно-функциональная лингвистика, системная грамматика) - это один из разделов прикладной лингвистики, которая изучает языковые явления в контексте общения (или контексте ситуации).

Данное направление возникло в традициях исследований британского антрополога (впоследствии обратившегося к лингвистике) польского происхождения Бронислава Малиновского (1884-1942). Он создал функционально-контекстуальную матрицу для интерпретации культуры, где язык играет ключевую роль.

Его идеи относительно языка, а также необходимости интерпретации языка в контексте ситуации были затем уточнены и дополнены первым

профессором общего языкознания Великобритании Джоном Фёрсом (1890-1942). Фактически Фёрс оформил идеи Малиновского в полноценную новую и достаточно масштабную лингвистическую теорию.

В целом же если говорить об истории развития языкознания на Западе, то можно выделить 2 фундаментальных направления: 1) традиция ориентации на философию и логику; 2) традиция, ориентированная на этнографию и риторику. На разных этапах развития языковой науки они либо существовали параллельно, либо одно из этих направлений преобладало.

В отличие от данных двух традиций, системная лингвистика сочетает в себе этнографическую традицию и основы риторики, то есть имеет элементы сразу обеих традиций исследования. Далее

рассмотрим, каким же образом это стало возможным.

Вопросы, которые ставятся относительно языка, носят этнографический характер: каким образом грамматика создаёт значение в контексте? какова связь между грамматикой и текстом в контексте общения? как в грамматике реализуются культурные значения более высокого порядка?

Кроме того, методы исследования по сути тоже этнографические: тексты рассматриваются с опорой на контекст и создают основу для эмпирических исследований по грамматике. Единицей измерения является не предложение, а сам текст, восприятие синтаксической структуры которого по сути относится к сфере риторики.

Формально впервые теория была представлена в 1961 году в программной статье «Категории теории грамматики» ("Categories of the Theory of Grammar"). Автором теории системного анализа традиционно считается последователь Фёрса, Майкл Халлидей.

Халлидей сформулировал теорию метафункций (metafunctions): межличностная (interpersonal), эмпирическая (experiential), текстуальная (textual).

Межличностная метафункция объединяет системы, которые существуют для выражения социальных связей между автором высказывания и адресатом передаваемого сообщения.

Вторая метафункция, эмпирическая, предполагает рассмотрение языка с точки зрения того, как он используется для описания событий, состояний и создания языковой картины мира говорящего. Данное значение языка для системно-функциональной лингвистики лишь одно из ряда дру-

гих не менее важных, то есть почему что-либо сказано (межличностная перспектива) и как это сказано (текстуальная перспектива) представляются для исследователя столь же важными, как и то, что именно сказано.

Третья метафункция носит текстуальный характер и охватывает ту часть грамматики, которая отвечает за то, как значения в предложении организованы в связи с окружающими их идеями и встроены в более широкий контекст высказывания.

Подводя итог изложенным в очень кратком виде принципам системной теории, следует отметить, что её можно рассматривать как «протосистемную» [3, с.54], т.к. в основе заложены такие принципы, как рассмотрение языка как системы выборов говорящего и функциональная организация языка, как видно из классификации метафункций. Как и теория Фёрса, системная лингвистика - это постоянно развивающееся направление, наше будущее широкое применение и на практике.

Если Джон Руперт Фёрс сосредоточил свои исследования в основном на так называемых внешних факторах языковой системы, то его ученик Халлидей предложил теорию с основой на внутреннюю структуру языка, то есть грамматику.

Литература

1. Halliday, M.A.K. Learning How to Mean. Explorations in the Development of Language. N.Y.: Elsevier, 1975. — 164 p.
2. Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. London: Arnold, 1985. — 387 p.
3. Matthiessen Ch., Bateman J. Text Generation and Systemic-Functional Linguistics. Experiences from English and Japanese. London: Pinter Publishers. — 348 p.

Karimova Z. R.

THE BASIC CONCEPTS ABOUT SPECIFICITY OF COGNITIVE APPROACH AND TRANSLATION OF A LITERARY TEXT

SENIOR TEACHER OF THE NATIONAL UNIVERSITY OF UZBEKISTAN NAMED AFTER MIRZO ULUGBEK
ABSTRACT

Main objective and problem of given article were problems of mutual cooperation of cognitive linguistics and the pragmatists named cognitive-pragmatical relations.

Cognitive linguistics as the new area of theoretical and applied linguistics is connected, with studying of cognition, namely, with the system description and an explanation of mechanisms of human mastering of language, and also with research of cognitive aspects of lexical, grammatical and other phenomena of language, problems of correlation of language structures with cognitive.

Keywords: cognitive linguistic; pragmatical aspect; approach; language; interaction

Recently escalating interest is marked from linguists, psychologists, ethnographers, historians to a problem of understanding of a natural language. This interest is completely not casual - the solution of a problem of understanding and language interpretation considerably would advance scientists on a way of clearing of many important laws of functioning of human thinking.

Prominent feature of a present stage in research of questions of processing and understanding of a natural language - widely usage of new cognitive approaches. Their essence that they give the chance to unite effectively on the basis of uniform conceptual base as linguistic knowledge (phonetic, morphological, syntactic, semantic), and extralinguistic (background knowledge of the world, a communicative situation, the purposes and plans of participants of communications).

Cognitive linguistics, the most widespread (especially in Europe) name of a direction of the linguistic researches which were developing in second half 1970th years and having further considerable number of followers. In the USA where this direction has arisen, its name «cognitive grammar» is more often than "grammar" in English-speaking linguistics whereas in other regions the term «cognitive semantics», specifying on one of authors of the given research undertaking is quite often used speaks broad understanding of the term.

The main distinctive feature of cognitive linguistics consists in purely methodological change of informative installations (heuristics). Occurrence of cognitive linguistics is one of episodes of the general methodological shift begun in linguistics from the end in 1950th years and reduced to removal of an interdiction for introduction in consideration «far from a surface», inaccessible to direct supervision theoretical (modeling)constructors.

In cognitive linguistics as modeling act cognitive structures and processes in consciousness of the person.

From positions of cognitive approach, at the heart of understanding of language and the text lies the procedure of construction of a pragmatical conclusion. This conclusion allows to restore the reduced fragments of the text, implicitly expressed knowledge and to receive the new information. In the course of language communications the subject deals not with "knowledge" in general, and with quite concrete structures of knowledge. Restrictions in memory size, individual distinctions in speeds of processing of the information, rigid restrictions in time - these and other factors cause necessity of operating by information "blocks", structures of knowledge. The question that such structures

of knowledge represent, is one of fundamental in a range of problems of processings of cognitive understanding of texts.

Let's give an example of the specificity of the cognitive approach to the language phenomena. In the early seventies years, at dawn of cognitive linguistics, the American linguist U. Cheif had been published a cycle of works in which the explanation of some laws of a word order and intonation in English language was offered, and also is close with them of the connected grammatical categories of definiteness/uncertainty and a reality/novelty features of the device of human memory and processes of activation of the information in consciousness of the person. So, intonation of the English narratives which are carrying out function of the message on some event, and a place of adverbial modifiers of time in them, correspond to from what depth of memory the information on informed event is taken and, accordingly, how much cognitive efforts should be applied for such extraction - what is the price of activation of some information.

The cognitive theory of language usage can be considered as one of the main components of the general theory of communicative-language interaction. It urged to explain, how there is a planning, producing and understanding textual and discursive formations take place. «Theory of cognitive pragmatic of this type should aspire to clearing of character of communications between various conceptual systems and conditions of success of speech certificates in concrete situations" [1, 30].

It is necessary to notice that last decades leading paradigms which have brought the greatest contribution to formation of a new megaparadigm, were pragmatical and cognitive [2, 3]. Communication between cognitive and pragmatical paradigms drew attention of many linguists. So,

D. Shperber and D. Wilson [Sperber, Wilson 1986, 1995] deny existence of the separate pragmatical module and consider its making cognitive paradigms. They consider to the pragmatist as a part of the general the cognitive principles involved in interpretation of statements.

Other linguist Nuyts, J. has put forward the own cognitive -pragmatical theory where he holds the opinion that cognitive and pragmatical aspects are not opposed, do not supplement each other, they represent two different sides of the same phenomenon [Nuyts 1992] more likely.

Discrepancy of opinions and their considerable disorder concerning the central problems of cognitive sciences and cognitive linguistics, in particular, absence of the uniform standard technique of cognitive

understanding of linguistic mechanisms, various approaches to the pragmatical description of the language phenomena, on the one hand, give possibility of a choice of the most relevant for concrete research of receptions and techniques, and, on the other hand, assume hypothetical character of cognitive-pragmatical learning of the data of the linguistic analysis where language is studied as the thought tool, can be investigated and are investigated as independent disciplines in courses of communications and pragmalinguistics on the one hand, and in a course cognitive linguistics - with another. Cognitive and pragmatical aspects of linguistics closely intertwine with each other; depend from each other and interconditionate.

Cognitive -pragmatical studying of fiction of modern English and American authors, represents the pragmatical message which is setting as the purpose to express defined intension of the author to give a certain information to the reader and to create a situation of communicative dialogue for its further understanding and processing.

Necessity comprehension to study and describe fiction in its dynamic aspect: as process of generation, perception, interpretation, in other words, - as a discourse, was found by reflexion in occurrence, development and application in practice the method of discursive analysis consisting in revealing both verbal and pragmatical factors. The discourse is considered by us in the expanded sense as the difficult communicative phenomenon including, except the text, and extralinguistic language factors - knowledge of the world, the purposes, installations of the addressee, necessary for understanding and text interpretation.

On a basis before the spent researches, it has been established that the art discourse represents system of means representing individually-author's concepts. At statement construction its author carries out selection and a combination of language units according to the communicative intention (obvious or hidden). Communicative intention - speaking intention - motive and the statement purpose. The art discourse is understood as pragmatically caused and having defined speech intention. In the art text the role of the speaking is carried out by the storyteller. Intention of art text it is realised in introduction of semantic frames, topics, concepts) in conceptual system perceiving and formation of system of the estimations which are distinct from the initial. [3, 121-123]

It is necessary to underline that intention of art text it is reached due to control over decoding of the text from the author. It means that choosing a word and carrying out thus reference, the author anticipates this or that emotional reaction of the addressee.

Hence, author's интенция consists from:

1. influences on an emotional condition of the addressee;
2. expansions of knowledge of the addressee;
3. influences on system of a rational estimation also it is directed on expression of art sense.

The understanding of this or that statement, the text, discourse is reduced to cognitive to the processing including of some stages which can be carried out as simultaneously, and to have hierarchical structure.

It has been revealed that cognitive text processing, statements, a discourse includes following kinds of the analysis:

1. denotative and significantive;
2. presuppositional;
3. connotative;
4. intentional.

All named kinds of processing of the information can occur and occur, as a rule, in consciousness reading simultaneously. At the same time in cases of the complicated semantic perception, especially at perception of speech speaking another language, stage-by-stage interpretation of the information transferred from the author to the reader is possible. Perceiving the received information, the reader thereby enters certain personal relations with the text, named pragmatical relations. Such relations can have various features. They can have mainly intellectual character when the text serves for the reader only as the author of data on any facts and events, it personally not concerning and not representing a great interest for it. At the same time the received information can render on the reader and deeper influence. It can touch its feelings, cause certain emotional reaction, and induce to any actions. Ability of the text to make similar communicative effect to cause in the reader pragmatical relations to informed, in other words, implement pragmatical influence on the addressee information, is called as pragmatical aspect or pragmatic potential of the text.

The pragmatical potential of the text is a result of author's choice the maintenance of the message and a way of its language expression. According to the communicative intention the author selects for transfer of information of the language units possessing necessary value as in detail-logic, and will organise them in the statement so that to establish between them necessary semantic communications. As a result created text gets certain pragmatical potential, possibility to make some communicative effect on its reader. The pragmatical potential of the text objectify in the sense that it is defined by the maintenance and the form of

the message and exists already as though irrespective of the founder of the text. It can be happen that the pragmatist of the text not completely coincides with communicative intention of the author («has told not that wanted, or not how wanted»), in that degree in which the pragmatist of the text depends on the transferred information and a way of its transfer, it represents the objective essence accessible to perception and the analysis.

The pragmatist relation of the reader to the text depends on reader's background knowledge, the previous experience, a mental condition and other peculiarities. The analysis of text's pragmatic gives the chance to provide only presumably potential communicative effect of the text in relation to the typical reader.

The establishment of necessary pragmatist relation of the reader to the transferred message substantially depends on a choice of language means at creation of the text. Influence on a course and result of translational process necessities to reproduce pragmatist potential of the original text and aspiration to provide desirable influence on the reader of translation is called as pragmatist aspect or pragmatist translation.

The translator, acting at the first stage translational process in a role of the reader of the original, tries as it is possible to take complete information containing in it, for that he should possess the same background knowledge, with a native speaker. Successful performance of functions of the translator assumes, therefore all-round familiarity with history, culture, the literature, customs, modern life and other realities of the foreign people speakers.

As well as at any reader of the source text, the personal relation to the transferred message springs at translator. As the language intermediary in interlingual communications the translator should aspire his personal relation not reflected to the accuracy of reproduction in original text translation. In this sense the translator should be pragmatist neutral.

Special problems are connected with pragmatist aspect of the texts intended for foreigners. It is a question about various information and propag

andistic materials, addressed to foreign audience, and advertising of the goods going for export. In ideal authors of such texts should write them taking into account character and knowledge of foreign reader or listener. In such cases translator's problem becomes simpler: he should not care of maintenance reader's full understanding of the message, the author

of the original has already taken care of it. However this task appears outstanding, and translator possessing more extensive information about foreign audience, has to introduce additional corrective and amendments in the text, taking into account its pragmatist aspect. In these cases realisation of reorganisation of translated text, focused on availability to the reader of translation, plays a main role in process of interlingual communication.

In ensuring pragmatist relevance of translation sociolinguistic factors play an important role, stipulating distinction in speech of separate groups of native speakers. In particular, additional difficulties for providing all-round understanding of translated messages can arise owing to the presence of the original of deviations from public norm of original language in text, using their such substandard forms as socially-dialectal and contaminated, simulating speech of the foreigner.

So, it is necessary to make a special emphasis that cognitive linguistics as the new area of theoretical and applied linguistics is connected, in our opinion, first, with studying of cognition, namely, with the system description and an explanation of mechanisms of human mastering of language, and, secondly, with research cognitive aspects of lexical, grammatical and other phenomena of language, problems of correlation of language structures with cognitive.

Given scientific association pragmatists and cognitive linguistics yields the best results during research of language from the point of view of its understanding and use during human dialogue.

References

1. Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. С.30.
2. В.И. Заботкина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. - Калининград, 1999. - С. 3-9.
3. Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. С. 121-123.
4. Sperber & Wilson. (1986/1995). *Relevance, Communication and Cognition.*, Blackwell, Oxford.
5. Nuyts, J. (1992). *Aspects of a Cognitive-Pragmatic Theory of Language.* John Benjamins, Amsterdam / Philadelphia.
6. Чейф, У. Значение и структура языка Текст. / У. Чейф; пер. с англ. -М.: Прогресс, 1975

Кузьмин А. А.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ CRAFTSMEN (РЕМЕСЛЕННИКИ) В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Аспирант Воронежского Государственного Педагогического Университета, учитель
английского языка МБОУ СОШ села Дмитрова Гора Конаковского района Тверской
области*

SEMANTIC PECULARITIES OF THEMATIC GROUP «CRAFTSMEN» IN OLD ENGLISH PERIOD

Kuzmin Artem, Post-graduate student at Voronezh State University, English teacher at Dmitrova Gora settlement school of Konakovo district Tver region

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются семантические особенности тематической группы «craftsmen», входящей в состав лексико-семантического поля «наименование видов деятельности» в древнеанглийский период. Автором проведены выборка лексических единиц и анализ значений слов, имеющих отношение к ремеслам. Аргументируется мысль о том, что наименования мастеровых древней Англии представляют собой особую сферу деятельности и узкую специализацию. Исследование позволяет получить системное представление о представителях кустарного дела в древнеанглийский период. Полученные данные могут служить дополнительным источником сведений о периоде Британии V-XI вв.

ABSTRACT

In the original article semantic peculiarities of the group «craftsmen», that is a part of a lexical-semantic field «names of occupations» are investigated. The author made an attempt to choose and analyze meanings of the words concerning crafts. It is reported that names of craftsmen in Old English period give us reason to count them especial area of activities that has detailed specialization. The paper gives valuable information about those who did crafts in ancient England. The author comes to conclusion that the data can be a source of extra information about Old English period in history.

Ключевые слова: лексика со значением «ремесло», тематическая группа, классификация, древнеанглийский язык.

Keywords: words with the meaning «craft», thematic group, classification, Old English.

Среди множества лексем, называющих древнеанглийские виды деятельности можно выделить несколько тематических групп, среди которых «Craftsmen» («Ремесленники») является одной из самых многочисленных – 74 единицы. Всего же в результате выборки из словарей, корпусов и художественных текстов нами было выделено около четырехсот наименований древнеанглийских видов деятельности. Каждая лексема прошла проверку с целью уточнения значения и возможности отнесения ее к лексико-семантическому полю наименования занятости тематической группы «craftsmen». Лексические единицы, называющие древнеанглийских представителей ремесел были проверены по электронному словарю перевода древнеанглийской лексики на современный английский язык и наоборот [4], по этимологическому словарю [5], Англо-саксонскому словарю Ботсворта-Толлера [2] и двуязычным англо-русским словарям [1]. Одним из эффективных источников для нашего исследования явился «Разговорник» Элфрика (Ælfric's Colloquy) [3].

Многочисленность тематической группы «craftsmen» вполне объяснима, т.к. в древности хозяйственная деятельность не была вполне развитой; люди жили сельским хозяйством и ремеслами. Родовыми терминами в этой группе являются лексемы: *bīgengere* (рабочий), *cræftiga* – *craftsman* (ремесленник), *dōere* (деятель, рабочий), *weorcman* (рабочий), *wyrcend* (рабочий, деятель), *wyrhta* (труженик, рабочий, изготовитель).

Среди наименований ремесел самой представленной группой являются лексемы, именующие представителей кузнечного дела. Профессия работника по металлу имеет древнеанглийское родовое наименование *slegcwyrhta* – *metal-worker* (работник по металлу). Профессия кузнеца именована лексемой *smiþ* (*smið*). Отметим, что данная лексема может употребляться в более широком значении «handicraftsman» (ремесленник, человек, изготавливающий что-либо своими руками, мастер), и также имеет более узкие значения «*blacsmith*» (кузнец по черным металлам), «*armourer*»

(кузнец-оружейник), «carpenter» (плотник), «worker in metals or in wood» (работник по металлу или дереву). Наименования профессии кузнеца различались по видам используемых металлов и по видам изготавливаемой продукции. В древней Англии были goldsmiþ (кузнец по золоту, златарь), seoloforsmiþ (кузнец по серебру), ísensmið (кузнец по черным металлам), ísenwyrhta (рабочий по черным металлам), ârsmið (кузнец по меди, медник), mæstlingsmið (кузнец по меди и латуни).

По изготавливаемым объектам выделялась профессия кузнеца-оружейника, изготовителя мечей: sweordhwíta – sword-furbisher и изготовителя щитов: scildwyrhta – shield-maker.

Особо отметим профессию «изготовителя идолов» с основой smiþ – smith (кузнец, плотник): wígsmiþ – maker of idols, где реализуется значение «работник по дереву, резчик».

Семь лексем называют профессии работников по дереву: wudere – wood-man, wood-carrier (тот, кто приносит дрова, дровосек); wudubior (bora) – wood carrier (тот, кто приносит дрова, дровосек); wuduhêawere – wood-cutter (дровосек), treowwyrhta – carpenter (плотник), trêowwyrhta – wood-worker, carpenter (работник по дереву, плотник), heawere – wood-cutter (дровосек, тот, кто рубит лес - от гл. hew «рубить»). Лексема timbrend – builder (плотник) сообщает о наличии профессии «строителя из дерева», т.е. плотника. Отметим, что в древнеанглийском языке была отдельная лексема со значением «строитель»: bylda – builder.

Наименования многих ремесел указывают на хозяйственную деятельность англичан в древности, их образ жизни, быт. Некоторые профессии представлены рядом синонимов:

- cordewânere – cordwainer (сапожник, изготавливающий изящную обувь из мягкой кожи), æstwyrhta, læstwyrhta, scôhwyrhta, scêowyrhta, scóhere (scôere) – shoemaker (сапожник), sùtere – cobbler, shoemaker (башмачник),
- crogwyrhta, pottere, lâmwyrhta – potter, tigelwyrhta – brick-maker, potter (горшечник),
- litigere, telgestre – dyer (красильщик),
- s̄ædere – sewer (портной), sêamestre – semstress, sewer (швея), seamere – sewer (портной),
- hrîðerhêawere, hyldere – butcher (мясник)

Почти все эти виды деятельности связаны с изготовлением необходимых изделий в быту. Другими профессиями, представленными одной лексемой, являются:

- leðerwyrhta – leather-worker (кожевенник),

- tannere – tanner (дубильщик кожи),
- gimwyrhta – jeweler (изготовитель украшений),
- meduwyrhta – brewer (пивовар),
- cys-wyrhta – cheesemaker (сыродел),
- teldwyrhta – tent-maker (изготовитель навесов),
- sealtere – salter, salt-worker (солевар, добывающий соль вывариванием ее из воды),
- meduwyrhta – brewer (пивовар),
- bæcere – baker (пекарь),
- dæge – female bread maker (женщина-пекарь).

Ряд наименований ремесел указывают на то, что была востребована деятельность, предоставляющая определенные услуги, прежде всего по доставке необходимых в жизни вещей:

- wæterbora – water-bearer (доставщик воды)
- scôhðên – shoe-cleaner (чистильщик обуви)
- wulltewestre – wool-carder (чесальщик шерсти)
- lêadgeota – plumber (лудильщик),
- hrôfwyrhta – roof-maker, a worker in any sort of lead (roofs, gutters, pipes), lead-smelter (жестяжник),
- géotere – founder (плавильщик),
- cocce – cook (повар),
- âfulliend – fuller, one who cleans cloth, to tread or beat cloth to cleanse or thicken it (чистильщик ткани или шерсти, вальщик сукна),
- scridwisa – charioteer (возница),
- wægnere – waggoner (возчик, перевозчик),
- stâncræftiga – stone-worker (камнерез),
- timbrend – builder (строитель из дерева),
- werhyrde – keeper of a fishing-weir – dam, fence, enclosure, especially one for catching fish (смотритель или хозяин участка [дамбы, огороженного затона] для рыбной ловли),
- wæscestre – washer (прачка).

Важную роль в жизни древних англичан играли рыболовство и охота. Английский язык сохранил ряд древнеанглийских лексем, называющих виды занятости людей в этих сферах – синонимичные лексемы hunta, dr̄æfend – hunter (охотник), а также fugelbona (птицелов). Морским промыслом занимались fiscere – fisher (рыбак) и hwælhunta – whale-fisher, whaler (китобой).

Море играло большую роль в островной жизни англичан, что неизбежно привело к развитию корабельных профессий:

- scipweard – ship-master, sailor (корабельный мастер),

- *nôwend* – ship-master, sailor (корабельный мастер, моряк),
- *scipwealh* – servant whose service is connected with ships (слуга, чья работа связана с кораблями).

В доме богатых людей, вероятно, сложились свои виды деятельности и профессии:

- *hundwealh* – one who looks after dogs (псарь).
- *hrægeldēgn* – keeper of vestments or robes (хранитель одежды),
- *hêafodwyrhta* – chief workman (главный работник),
- *midwyrhta* – worker together with, co-operator (работник среднего ранга, работающий в группе с другими рабочими),
- *rendegn* – house-officer (домоуправитель). Согласно Этимологическому словарю английской лексики, это слово означало "house guardian, housekeeper" [5].

Мы осуществили попытку систематизировать и классифицировать тематическую группу «Craftsmen» («Ремесленники»). Нами было выделено 74 единицы путем выборки из исторических корпусов и лексикографических источников. Как оказалось, не только исторические, но и лингвистические исследования свидетельствуют о том, что в древней Англии были профессиональные ремесленники, что вполне позволяет нам отнести

группу наименований представителей производства к лексико-семантическому полю «наименования видов деятельности» в древнеанглийском языке. Таким образом, тематическая группа лексики, называющей древнеанглийские ремесла, показывает разнообразие трудовой жизни англичан в древности, сферы занятости ремесленников, а богатство синонимов в сфере некоторых профессий свидетельствует о важности этих профессий для древних англичан.

Литература

1. Яндекс. Перевод [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 22.02.2015).
2. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/> (дата обращения: 22.02.2015).
3. Glossary for Ælfric's Colloquy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ucalgary.ca/uofc/eduweb/engl401/texts/gl.htm> (дата обращения: 22.02.2015).
4. Old English Translator [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldenglishtranslator.co.uk/> (дата обращения: 22.02.2015).
5. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php/> (дата обращения: 22.02.2015).

Васютина Е. В.

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ XXI В.

аспирант кафедры иностранных языков ВГПУ, г. Воронеж

ECOLINGUISTIC SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH POLITICAL NEOLOGISMS IN THE XXI CENTURY

Vasyutina Elena, Post-graduate student of Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ политических неологизмов на современном этапе развития английского языка. Неологизмы, отобранные из печатных политических обзоров американских СМИ, рассматриваются с позиции экологичности / неэкологичности лексических единиц. Определяется процентное соотношение экологических и неэкологических неологизмов в рамках исследуемого корпуса новых слов.

ABSTRACT

The article deals with political neologisms' analysis in the modern period of the English language development. Neologisms selected from the published political reviews of American mass media are analyzed from the point of words' ecological and non-ecological compatibility. The percentage of ecological and non-ecological neologisms involved in the research is defined.

Ключевые слова: эколингвистика; экологичность; неэкологичность; неологизм.

Keywords: ecolinguistics; ecological compatibility; non-ecological compatibility.

Как известно, эколлингвистика представляет собой новое направление в рамках современного языкознания. Интерес к разработке проблем эколлингвистики обусловлен особым положением данной отрасли языкознания, которая находится, как определяет Е.В. Иванова, «на стыке социального, психологического и философского направлений в лингвистике...» [1, с.41].

Для нашего исследования актуально рассмотрение принципов экологичности использования языка в разных сферах общения, в частности, в политическом дискурсе, где всё чаще появляются новые слова; а также изучение самих неологизмов с позиций эколлингвистики.

При анализе отобранных единиц прослеживается тесная связь эколлингвистики и аксиологии. Так, например, Н.Г. Солодовникова считает, что экологичность коммуникации находится в прямой зависимости от экологии эмоций и зависит не столько от чистоты языка и культуры речи, сколько от энергетического заряда эмоций [2].

Таким образом, изучение особенностей неологизмов с точки зрения эколлингвистики является актуальным. В нашей работе мы будем говорить об экологичном / неэкологичном характере самих лексических единиц, в частности, применительно к неологизмам, что является неразработанным аспектом лингвоэкологии.

Изучая вопрос об экологичности / неэкологичности, заложенной в неологизмах, в корпусе отобранных нами единиц были определены неологизмы экологичного и неэкологичного характера. К основным критериям для установления экологичности неологизмов мы относим: отсутствие негативной оценки, наличие положительного оценивания, вежливый характер выражения. Главными критериями неэкологичности мы считаем: наличие негативной оценки, отсутствие положительного оценивания, невежливый характер выражения, демонстрирующий неуважительное или даже оскорбительное отношение к собеседнику.

Так, например, экологичными неологизмами являются: *genopolitics* – the study of genetic basis of political actions and attitude; *unionology* – the effects of workers's union on a profession or work place; *crowdfunding* – getting a large group of people to finance a project by using a website or other online tool to solicit funds; *clientelling* – to create and manage client relationships; *geopreneur* – one who organizes, manages and assumes the risks associated with an international enterprise.

Необходимо отметить, что в исследованном корпусе единиц особое внимание привлекают мно-

гочисленные примеры неологизмов неэкологичного характера. Например: *carterization* – political ineffectiveness; *corporatarchy* – government according to corporate interests.

Выделяя экологичные и неэкологичные неологизмы возможно проследить отношение не только отдельно взятого человека, но и всего социума к современному политическому устройству. Так, например, неологизм *democrazy* – a democracy that has absurd or inadequate characteristics or in which senseless or unjust events occur дает право судить о резко негативной оценке гражданами существующего политического режима. Также может наблюдаться и критика в адрес определенной фигуры в мире политики, например: *promistician* – a politician who makes promises to get elected. Среди анализируемых единиц выделяются большое количество неологизмов с негативной коннотацией, например: *digifeiter* – a counterfeiter who uses digital technology to create forged money or documents или *madoff* – a person who commits financial fraud; *thugette* – a female thug. Один из неологизмов, отражающий характеристику человека, который болезненно относится к деньгам: *lucrepath* – a person who is pathologically driven to make money.

Заложенная резко негативная оценка или, как мы полагаем, неэкологичность представлена и в следующих примерах: *enronesque* – relating to accounting methods meant to deceive; *to madoff* – to swindle, defraud, cheat. Такой неэкологичный характер приведенных выше неологизмов оказывается абсолютно оправданным, так как данные единицы обозначают действия мошеннического характера.

Особенно яркие примеры неэкологичности неологизмов касаются описания межличностных отношений политиков или самой личности политика. Например: *oneversation* – a conversation in which only one person is leading; *complinsult* – a backhanded compliment. Непрерывно появляющиеся неологизмы очень точно отражают происходящее, например: *frenemy* – people who have an adversarial relationship but must work together out of necessity, a friendly enemy; *hairye* – a look of disapproval; *nontroversy* – a false or non-existent controversy; *politainer* – a politician who makes extensive use of entertainment media particularly during a campaign.

Таким образом, в результате анализа корпуса отобранных неологизмов с точки зрения экологичности / неэкологичности, очевидно значительное преобладание неэкологичных неологизмов. Процентное соотношение составляет 68% экологичных неологизмов и 32% неэкологичных

неологизмов на весь корпус исследованных единиц в размере 1022 неологизмов. Наличие большого количества новых слов с выраженным неэкологичным характером свидетельствует о яркой негативной оценке реалий современной политической среды.

Список литературы

1. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики:

сборник научных трудов / Отв. ред. Н.Б. Попова. – Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. – С. 41-47.

2. Солодовникова, Н. Г. Экологичность эмоциональной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Солодовникова Наталия Геннадиевна. – Волгоград, 2010. – 196 с.

Жексекеева В. В.

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*магистрант филологического факультета, Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана*

COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT ZOONYM IN FRENCH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

*Zhexekeyeva Valentina, Master of philological faculty Eurasian National University named after LN Gumilev,
Astana, Kazakhstan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются устойчивые компаративные фразеологические единицы во французском языке, содержащие в качестве объекта сравнения лексему-зооним.

В процессе лингвокультурной интерпретации сравнений выявляются этнические эталоны, основанные на ассоциативных связях между миром животных и миром людей. Сравнимые эталоны фразеологических единиц позволяют ассоциативно охарактеризовать внешность, психологические и физиологические характеристики, а также признаки поведения человека данного этноса в языковой картине мира.

ABSTRACT

The article reviews the comparative phraseological units containing a lexeme- zoonim as an object of comparison. The process of linguistic and cultural analyses of comparison identifies the ethnic stereotyped images based on the associative connection between the world of animals and the world of people.

The compared ethnic stereotyped images of phraseological units permit to characterize the appearance, psychological and physiological characteristics and also the marks of person's behavior in this ethnic group of the linguistic world view.

Ключевые слова: французский язык, компаративные фразеологические единицы, компонент-зооним, языковая картина мира, структурные типы моделей фразеологических компаративов, эталон - образ.

Key words: French language, a component- zoonim, comparative phraseological units, linguistic world-view; structural types of phraseological comparatives models, stereotyped image.

Одним из приоритетных направлений современной фразеологии является исследование зоонимного фонда различных языков с точки зрения выявления универсальных и специфичных образов. Названия животных активно участвуют в образовании компаративных фразеологических единиц французского языка. Фразеологизмы представляют собой особые единицы языка, в которых

запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса, а также знания, как о внешней действительности, так и о внутреннем мире человека.

Картина мира, фиксируемая фразеологическими средствами языка и рассматриваемая как языковой феномен национально-культурного наследия, является фразеологической картиной мира. Фразеологические единицы служат средством

освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения. Во фразеологической картине мира наиболее ярко отражено национальное своеобразие языка. Фразеологизмы в своей семантике отражают длительный процесс развития культуры того или иного этноса [1, с.4].

Устойчивые компаративные единицы признаны одним из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц, которые благодаря своему стабильному характеру позволяют передавать ценностную и культурную информацию от поколения к поколению, обеспечивая преемственность этнических представлений.

Каждый язык богат выражениями, в основе которых лежит сравнение, прежде всего образное и метафорическое. Сравнение – наиболее естественный и древний способ выражения, оно всегда служило и продолжает служить средством образной и живописной характеристики людей и предметов. Говорить образно и эмоционально – значит использовать в речи такие сочетания, в основе которых лежит образное восприятие действительности. Чем образнее речь, чем она ярче, живее, тем сильнее воздействует на того, к кому обращена. Недаром сравнение называют «первым шагом в познании мира» [2, с. 111].

В свою очередь образное сравнение – это стилистический прием, заключающийся в сопоставлении одного явления или предмета с другим в целях подчеркивания, выделения более яркого изображения какого-либо его признака. Это образное словесное выражение, в котором изображаемое явление явным образом уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку и при этом в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства. Сравнение может рассматриваться как развернутая метафора, и потому, сопоставляя различные предметы, мы имеем возможность лучше понять сущность того или иного явления. Кроме того, сравнение дает возможность установить общие свойства, основные признаки, присущие предметам, выделить качества, общие для этих предметов.

Сравнение всегда состоит из двух членов: в нем называются оба сопоставляемые явления или предметы. Этим сравнение отличается от метафоры, которая возникает на основе сравнения, но является одночленной *un pigeon* – простак, простофиля. Сравнение – это фразеологизмы с показателями соотнесения: трусливый как заяц, храбрый как лев, задиристый как петух, нем как рыба, кроткий как ягненок, болтать как сорока, жить как

кошка с собакой, Федот, да не тот; смотреть волком; *quinteux comme la mule du pape* (букв.: капризный как папский мул), *triste comme un hibou* (букв.: грустный как сова), *grossier comme un bouvier* (букв.: грубый как извозчик), *cela est égal comme deux œufs* (букв.: это одинаково как два яйца), *crier comme un sourd* (букв.: кричать как глухой), *dur comme de la semelle de botte* (букв.: твердый как подошва), *clair comme le cristal* (чистый как стекло), *adorer qn comme un Jésus* (букв.: обожать кого-либо как Иисуса) и др.

О.А. Корнилов отмечает, что языковое познание мира произошло на раннем этапе становления этноса и его языка [3, с. 15]. К разряду наиболее древних относят компаративные образы, отражающие мир живой и неживой природы (животный и растительный мир, ландшафт, космические объекты, силы природы). Это объясняется тем, что существование древнего человека было непрерывно связано с естественной средой, определялось его способностью с ней взаимодействовать. Человеческими чертами и разумом наделялись живые существа, обитавшие рядом с людьми: дикие и домашние животные и птицы, насекомые. Полагают, что это было связано с особенностями жизненного уклада человека: в более древнюю эпоху – с охотничьим бытом, в более позднюю – с земледелием и скотоводством, что не могло не отразиться на приоритетном почитании тех или иных представителей животного мира [5, с. 253].

В составе фразеологических единиц французского языка представлено значительное число устойчивых выражений, содержащих лексему, обозначающую представителя животного мира. Нередко они встречаются в

поговорках и пословицах: *À bon chat, bon rat* – Хорошему коту — хорошую крысу; *C'est la poule qui chante qui a fait l'œuf* – сам себя не похвалишь, никто не похвалит; *Le chat parti, les souris dansent* – без кота мышам масленица.

Ряд зоонимов используется в качестве метафор, либо однокомпонентных, либо развернутых: *mouton à cinq pattes* – овца с пятью лапами, т.е. диковинка, оригинальная личность; *fine mouche* – тонкая муха т.е тонкая штучка, хитрая bestia.

Во французском языке устойчивые сравнительные обороты в структурном отношении соотносятся с логической трехкомпонентной формулой сравнения: субъект сравнения – основание сравнения – объектная часть, вводимая одним из сравнительных союзов. В качестве общего признака сравниваемых объектов может выступать как качество или свойство, так и действие или состояние, что в поверхностной структуре находит

выражение через имя прилагательное или глагол: *hardi comme un lion*- смелый как лев; *bicher comme un pou*- скакать как вошь, т.е. радоваться, ликовать; *faire le lézard* - делать ящерицу, т.е. бездельничать, лентяйничать [4, с. 114].

Члены образных сравнений во французском языке соединяются между собой союзами *tel, aussi... que, autant... que plus... que, moins... que* и др. Но самой распространенной формой образного сравнения является соединение его членов при помощи союза «*comme*». А. Г. Назарян отмечает, что именно из этой формы и развились те устойчивые выражения, которые закрепились в языке как сравнения – фразеологизмы. Согласно его определению, сравнения- фразеологизмы- это образные сравнения, сложившиеся в языке как фразеологические единицы и вошедшие в словарный состав данного языка [4, с. 133].

В ходе анализа среди основных структурных типов было выявлено несколько однотипных моделей, где опорным компонентом служит глагол: «V+Pr+N» (глагол+союз+зооним). В качестве опорного компонента глагольных ФЕ выступают глаголы “работать”, “кушать”: “петь”, “спать”: *travailler comme un boeuf, comme un cheval*; работать как пчела, как ишак, как зверь; *manger comme un boeuf*-есть как волк, т. е. много; *chanter comme un oiseau, comme un rossignole, comme une huître*; петь как соловей, как жаворонок; *dormir comme une marmotte, comme un pou*; спать как сурок, как удав, как заяц.

В качестве опорного компонента глагольных ФЕ могут также выступать глаголы “жить”, “изворачиваться”: «*vivre d'un hareng, comme une cloporte*; жить как голубки, с петухами», «*glisser comme un serpent, comme une couleuvre*; изворачиваться как змея, как уж, как червяк».

В качестве опорного компонента глагольных ФЕ могут выступать:

- глаголы «être», «vivre», «faire»: *être comme un coq en pâte*-кататься как сыр в масле, т.е. сытно, беспечно жить; *vivre comme un ours*-жить бироком, т. е человек действующий в одиночку, нелюдимый, необщительный; *être avare comme un rat*-быть скупым, жадным как крыса, обозначающее психологическое состояние; *faire le lézard* - делать ящерицу, т.е. бездельничать, лентяйничать.
- глаголы «souffler», «se débrouiller»: *souffler comme un phoque* – дышать как загнанная лошадь, *se débrouiller comme un poisson dans l'eau* -быть счастливым, чувствовать себя совершенно свободным, как рыба в воде, обозначающие физиологическое состояние;

- глаголы «courir», «nager», «écrire»: *courir comme un chat maigre*-бежать сломя голову; *nager comme un chien de plomb*-плавать как топор; *écrire comme un chat* -писать как курица лапой, писать неразборчиво, служащие для обозначения физиологического состояния.

- глагол «parler»: *parler français comme une vache espagnole*-говорить очень скверно по-французски, для обозначения процесса речи.

Второй моделью, выявленной в ходе анализа, является модель, где опорным компонентом служит прилагательное: «A+Pr+N» (глагол+союз+зооним). В качестве опорного компонента данных ФЕ выступают прилагательные “упрямый”, «хитрый», «больной»: *têtu comme un âne* - глупый как осел; *fusé comme un renard*- хитрый как лиса; *malade comme un chien*-больной как собака, для обозначения физиологического состояния.

Опорным компонентом могут также выступать такие прилагательные как:

“*agile*”, “*gros*”, “*vif*”, “*gai*”, “ *paresseux*”, “*léger*” “*laid*”, “*maigre*”, “*rouge*”, “*sale*”, “*bavard*”, “*souple*”, “*doux*”, “*soûl*”, “*bête*”, “*ignorant*”, “*industriel*”, “*heureux*”, “*amoureux*”, *hardi* (*agile comme un écureuil, comme un singe; gros comme une baleine; vif comme un lièvre, comme un oiseau; gai comme un merle, comme un papillon; paresseux comme un lézard, comme une couleuvre; léger comme un cerf, comme un oiseau; laid comme un crapaud, comme un pou; maigre comme un chien fou, comme un chat de goutière; rouge comme un homard, comme un coq; rouge comme un tomate* - красный как рак; *sale comme un pou, comme un cochon; bavard comme une pie, comme un perroquet; souple comme une anguille, comme un serpent; doux comme une colombe, comme un mouton; soûl comme une grive, comme cochon; bête comme une grenouille, comme une carpe; ignorant comme une oie, comme une carpe; industriel comme un castor, comme une abeille; heureux comme un coq en pâte, comme un poisson dans l'eau; amoureux comme une chatte, comme un coq; hardi comme un lion*- смелый как лев.

В менталитете носителя языка ассоциативные связи с некоторыми животными настолько прочны и постоянны, что основание сравнения нередко закодировано в самом объекте сравнения. В результате этого возникают указанные выше свернутые формы компаративов за счет элиминации из поверхностной структуры глагола или прилагательного: *pure comme un oie*-чистый как гусь, т.е. наивный, примитивный. Существительное-зооним может иметь при себе поясняющие слова, а срав-

нительная конструкция выступает в виде распространенного словосочетания: *bavard comme une pie*-болтливый как сорока; *une poule mouillée* - мокрая курица, т.е. трусливый, нерешительный человек [6, с. 288].

Анализ семантики французских прилагательных в составе исследуемых

компаративных оборотов позволяет объединить их в несколько групп. Они обозначают:

- 1) привлекательные / непривлекательные черты внешности: *gros comme un cochon* - толстый как свинья; *velu comme un singe* - очень волосатый; *laid comme un rou* - страшный как вошь;
- 2) физиологические характеристики, способности: *malin comme un singe* - ловкий, проворный как обезьяна; *fort comme un bœuf* - сильный как бык;
- 3) особенности характера, темперамента, настроения: *méchant comme un âne rouge* - злой как черт; *doux et crédule comme un mouton* - смиренный и доверчивый как овца; *muet comme un saumon* - немой как рыба.

Мир природы и человека в языковой картине французского народа тесно взаимосвязаны, в их устройстве обнаруживается много общего, поэтому повадки животных легко проецируются на поведение, характер, отношения людей. При осуществлении лингвокультурологической интерпретации устойчивых сравнений выявляются стереотипы-образы, выполняющие функцию эталона в национальном языковом сознании. Эталон трактуется как характерологическая образная подмена свойств человека или предмета каким-либо другим объектом, которая происходит с опорой на обиходно-культурный опыт носителей некоторого языка и культуры, в результате чего эталон становится доминирующим культурным знаком [6, с. 290].

Дикая природа дала французскому народу богатую почву для создания разнообразных стереотипов. Образ, как отмечает Н.Д.Арутюнова, ориентирован на предметный мир и воспроизводит объект в его целостности.

Основным же источником образов является зрительное восприятие, которое будучи по природе комплексным, фиксирует разные стороны объекта: форму, цвет, свет, объем, положение в пространстве, пропорции [7, с.31]. Многие компаративные конструкции порождены именно зрительным восприятием того или иного объекта и отражают перенос признака животного на человека

по внешним особенностям: *bailer comme carpe* - зевать как карп, т.е. зевать широко, некрасиво; *souffler comme un boeuf* - пыхтеть как бык; *rouge comme un tomate* - красный как рак.

Перенос повадок диких животных, особенностей их «характера» также отразился в целом ряде компаративных единиц. Через животные образы, создаются эталоны глупости, изворотливости, умения приспособиться к жизни и многие другие: *faire des grimaces comme un singe* - кривляться как обезьяна; *froid comme un serpent* - холодный как обезьяна; *adroit comme un singe* - проворный как мартышка; *agile comme une écureuil* - быстрый как белка. Зооним может характеризоваться наличием в его семантике либо положительной, либо отрицательной коннотации: *fier comme un paon* - гордый как павлин; *têtu comme un âne* - глупый как осел.

Фразеологической картине мира свойственно воспроизведение опыта нации в ходе ее развития, а также присущи черты этноцентричности, проявляющейся в том, что каждая языковая общность людей индивидуальна, она по-своему видит мир и по-своему его интерпретирует в понятных для неё образах – внутренних формах фразеологизмов. Отсюда внутренняя форма – инструментарий фразеологической картины мира отдельно взятого языка. Чем больше человеку известно о повадках животного, тем большее число стереотипов, выраженных посредством сравнительных оборотов представлено в языке.

Во французском языке, например, существует целый ряд сравнений, содержащих зооним «собака». В семантической структуре слова *chien* обнаруживается несколько образных вариантов. Во-первых слово *chien* обозначает скупого, жадного человека: *s'acharner sur qch comme deux chiens sur un os* - грызться из-за чего-либо как собаки из-за кости; *se regarder comme deux chiens de faïence* - злобно смотреть друг на друга: буквально - смотреть друг на друга как две фарфоровые собачки. Во-вторых, слово *chien* используется также для характеристики человека, не имеющего своей воли, полностью зависящего от кого-то и добровольно принимающего такое положение: *être comme un chien à l'attache* - сидеть как собака на привязи. Наконец слово *chien* употребляется и как ругательство в отношении человека, который считается презренным, ничтожным. В компаративных употреблениях слова *chien* обнаруживается способность этого образа представлять многие человеческие свойства. Через устойчивые сравнения эти аспекты образа раскрывают свое богатство и тесную взаимосвязь.

Можно выделить несколько функциональных групп сравнений:

1. Сравнения по признакам «покорность», «преданность», «верность» например *fidèle (dévoué) comme un chien* - верный, преданный, как собака; *c'est Saint-Roche et son chien* - это святой Рош и его собака (неразлучные); *être comme un chien à l'attache* - сидеть как собака на привязи (т.е. полностью зависящего от кого-то и добровольно принимающего такое положение);
2. Сравнения, в которых слово *chien* представляет эталонный объект негативных действий со стороны другого лица; здесь можно встретить глаголы *tuer, battre, traiter*: *aimer comme le chien aime les coups de baton* - любить как собака палку; *enterrer qn comme un chien* - зарыть кого-либо как собаку; *traiter qn comme un chien* - обращаться с кем-либо как с собакой; *tuer (abattre) qn comme un chien* - застрелить как собаку; безжалостно убить кого-либо;
3. Сравнения, где слово *chien* предстает в качестве эталонного носителя очень тяжелого, очень плохого состояния, например *être malheureux, malade*: *être malade comme un chien* - быть тяжело больным.

Следует упомянуть также конструкции «существительное+ *de chien*»: *métier, travail, vie de chien* - собачье ремесло, работа; собачья жизнь. Семантически эта конструкция эквивалентна сравнению, где образ *comme un chien* имеет значение «очень плохо, тяжело»: *vivre comme un chien, travailler comme un chien*. Более отдаленно, опосредованно связана со сравнениями, и конструкция «*un chien de*+ существительное»: *un chien de temps* - отвратительная погода. Есть сравнения, в которых образ *chien* входит в своем первичном, номинативном значении. Такие сравнения, в сущности, неидиоматичны [8, с. 82]. Они базируются на живом представлении о собаке, ее облике и повадках, например «отряхиваться как собака», «повизгивать как собака» соответствует французским *se secouer comme un chien, gémir comme un chien*.

Во французском языке наблюдается также синонимия компаративов, когда один и тот же эталон ассоциируется с разными животными, поскольку с точки зрения носителя французской культуры этим животным свойственно некоторое одинаковое качество: *travailler comme un chien* - работать как собака) / *travailler comme un cheval* (работать как лошадь. Рассматриваемые сравнительные конструкции образуют синонимические ряды и компаративами, содержащими зоонимы. В свою

очередь один и тот же зооним способен отражать разные этнические эталоны во французском языке, т. к. объект может обладать разными признаками: *cheval à la besogne* - работяга, неутомимый труженник) / *cheval de bât* - вьючная лошадь, т.е. грубая скотина, дурак.

Образование сравнений является живым процессом в языке, осуществляемом его носителями под влиянием постоянно меняющегося мира. Компаративные единицы служат свидетельством того, как осуществляется познание и оценивание действительности в устойчивых образах, совокупность которых позволяет судить о национальной языковой картине мира и особенностях ее формирования.

Список литературы

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. –М., 1986.- С.4
2. Назарян А.Г. Образные сравнения французского языка. –М., 1965.- С. 111
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные
4. национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. –С. 4
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. –М., 1987 –С. 114- 135 (288)
6. Гутман Е.А., Черемисина М.И. Названия животных в составе сравнения // Вопросы языка и литературы. Вып. 4. Ч. 1. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1970. -С.253-266.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический
8. и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.-С. 288
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской
10. литературы», 1999, I-XV. –С. 31
11. Гутман Е.А., Черемисина М.И. Использование определений для выявления семантики зоохарактеристики // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 3. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1974. - С.82-94.
12. Иванченко А.И. Французские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2002 –С. 158
13. Robert C.-M. Phraséologie Française, Répertoire systématique de Proverbes, Dictons et Locutions idiomatiques commentés et expliqués / C.-M. Robert. Gronique: Wolters, 1905. – С. 540
14. Бардоши В. Фразеологизмы французского языка (Словарь практикум). –Уральск., 2002.- С. 124

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тотиева А. Н.

ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ В РОМАНЕ - ЭССЕ АНАТОЛИЯ ДЗАНТИЕВА «НЕБЕСНЫЕ ШАХМАТЫ»

кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, г. Владикавказ

DIALOGUE WITH DEATH IN THE NOVEL-ESSAY, ANATOL DZANTIEVA "HEAVENLY CHESS"

Totiyeva Antonina Nikolaevna candidate of pedagogy, Associate-Professor North ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена творчеству осетинского писателя Анатолия Дзантиева. В ней анализируются идейно-художественные особенности романа-эссе писателя «Небесные шахматы».

ABSTRACT

the article devoted to the work of the Ossetian writer Anatoly Dzantieva. It analyses the ideological and artistic features of the novel-essay "the Celestial chess".

Ключевые слова: эпизод, тема, композиция, диалог, идейный смысл, художественное своеобразие.

Keywords: Tags: episode, theme, song, dialogue, ideological sense, artistic originality.

Философское осмысление темы смерти, ее вечной тайны и обратной стороны бытия человека характерно для прозы А. Дзантиева – его рассказов «Всадник», «Торжество жизни», «Амулет», «Никогда, никогда!», а также романа-эссе «Небесные шахматы».

Художественно-философский роман-эссе А. Дзантиева «Небесные шахматы» не случайно имеет подзаголовок «Мысли вслух». Это размышления писателя над вечными вопросами жизни и смерти, бессмертия души и потустороннего мира. Своеобразная композиция романа-эссе, отсутствие сюжета как такового, что соответствует жанру романа, яркие мысли и образы, высказывания мудрецов, эпические фольклорные образы, сновидения не могут оставить читателя равнодушным и вызывают душевный отклик. «При этом вовсе не обязательно листать книгу подряд, страница за страницей, от начала к концу. Она состоит из множества отдельных главок — больших и малых, часть из которых укладывается в несколько слов. Размышления автора о жизни и смерти соседствуют с текстом песни, которую исполняют при цоппае, осетинском обрядовом танце, совершаемом по убитому молнией. Записи сновидений —

своих и чужих — перемежаются жанровыми картинками, а детский вопрос («Папа, я знаю, что дядя Азамат умер, но почему он не приходит к нам хотя бы по воскресеньям?») — литературной стилизацией: ответом покойной Делии Елены Сан Марко на адресованное ей письмо Борхеса. В книгу включены эпизоды из нартовского эпоса в переводе автора, рассказы осетинских классиков, народные пословицы... Суры из Корана... Воспоминания о детских и юношеских впечатлениях при первых встречах с чужой смертью... Интервью с патологоанатомом... Белые стихи... Быличка об охотнике, который загадочно покончил с собой после странных встреч в горах с девушкой, в которой его бабушка по описаниям внука опознала горного духа...» [1].

В предисловии к роману, говоря о его замысле, А. Дзантиев пишет: «Жизнь и смерть – это две неразлучные сестры, возможно, даже близнецы. Согласившись с этим, следует признать, что жизнь все-таки постарше своей печально известной близняшки. Рождение первой предопределило появление второй, а не наоборот. Более того, в отсутствие жизни смерть становится полнейшей нелепицей, жизнь без смерти еще возможна (хотя бы теоретически), тогда как смерти без жизни – не

жить никак. Тень, как известно, сама по себе существовать не может. Сказанного, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу о доминанте жизни над смертью. «Цардай тыхджындар ницы ис» («Нет ничего сильнее жизни»), - говорят осетины, и это лучше всего подтверждается на примере существования самой Жизни» [2, 11-12].

Смысловым и композиционным центром романа, на наш взгляд, следует считать эпизод игры в шахматы молодой женщины со смертью, представляющий собой драматическую сцену с тремя действующими лицами: ОН, ОНА и СМЕРТЬ. Именно эта сцена отсылает читателя к названию романа-эссе – «Небесные шахматы».

Первая часть эпизода – диалог женщины с ее тяжело больным любимым мужем. Из него читатель узнает о том, что ОН выписан из больницы как безнадежный больной, а ОНА участвовала в турнире и выиграла его:

«ОН. Поздравляю, ты у меня умница. Так, глядишь, и чемпионкой мира станешь.

ОНА. Я только ради тебя старалась. Целую кучу денег заработала. Лекарств тебе самых современных накупила, с хорошими врачами консультировалась.... Вместе мы одолеем любой недуг, можешь в этом не сомневаться, а как поправишься, обязательно отправимся путешествовать...» [2, 199-200].

Однако ОН делится своим странным ощущением присутствия кого-то неведомого рядом с ними: «Можешь не сомневаться, я чуть ли не кожей это чувствую» [2, 202]. ОНА старается успокоить ЕГО, говорит нежные слова о своей любви и о том, что они никогда не умрут.

Вторая часть эпизода – диалог женщины со смертью, которая не замедлила явиться с наступлением ночи. Смерть сообщает женщине, что пришла за ее больным мужем:

«ОНА. Но он еще так молод!.. Ему рано умирать...»

СМЕРТЬ. Я выбираю свои жертвы не по возрасту.

ОНА. Нет, нет, так просто я тебе его не уступлю! Это дорогой для меня человек. Я не смогу без него жить. Мы скоро должны отметить годовщину нашей свадьбы, позволь нам немного насладиться жизнью.

СМЕРТЬ. Я не принимаю в расчет доводы людей, какими бы вескими они ни выглядели, и тем более не могу позволить себе быть великодушной. Иначе человечество очень скоро обрело бы

бессмертие, а оно свойственно только богам» [2, 206 - 207].

Женщина в отчаянии просит поделить оставшиеся ее годы жизни с мужем, и тогда Смерть, тронутая ее бескорыстием, предлагает сыграть партию в шахматы, ставкой в которой будет жизнь ее мужа. Шахматная партия завершается победой шахматистки, однако победа ее условна, потому что человек все же смертен. Смерть заявляет женщине: «Я не проиграла, а только отложила нашу партию, перенесла ее на более поздний срок. Придет время, и мы обязательно к ней вернемся. Ну, а мат, который ты мне с таким восторгом объявила, можешь считать моим скромным подарком на годовщину вашей свадьбы... Но только помни, я могу появиться каждую минуту, слышишь, каждую минуту...каждую...» [2,216]. И видение, напоминающее бесформенную медузу, исчезает.

Третья часть сцены – взволнованный разговор потрясенной женщины с мужем. Она, плача, рассказывает о своем поединке со Смертью, о том, что поставила мат и выиграла пари, что он будет жить. Эпизод заканчивается словами: «Верно, мы никогда не умрем! Никогда! И смерти не удастся нас разлучить!» [2, 217].

Философский смысл анализируемого эпизода понятен читателю: не смерть движет миром, а именно жизнь – созидаящая, бесконечная, вечно обновляющаяся и прекрасная. И феномен жизни, несмотря на ее сложности и трудности, утраты и разочарования, как категории вечной и неизблемой становится понятен даже герою-подростку из рассказа Дзантиева «Торжество жизни»: «Мне вдруг подумалось, что смерть не властна над жизнью. Она способна унести лишь крошечную ее частицу, а земля, люди на этой земле и все, что окружает их в жизни, - все это пребудет вечно. А смерть, что ж, она только помогает ощутить радость и торжество жизни.» [3:52].

Список литературы

1. Владимир Медведев. В поисках утраченной смерти. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/8/med8.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 28.02.2015.
2. Дзантиев А.А. Небесные шахматы. – Мысли вслух: Роман-эссе. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. – С. 11-12.
3. Дзантиев А.А. Деревья в бурю: Рассказы, пьесы, притчи, миниатюры – Владикавказ: Ир, 2003. – С. 52.

ISSN 95420762

МНО «Наука без границ»

Ежемесячный научный журнал

№ (2) 8 / 2015

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

	Азарова Э.Н. – д.ф.н.
	Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН
	Михайлова Т.Н. – д. ф. н.
	Незамичев К.К. – д.п.н.
	Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
	Петрусинская Н.Я. – д.п.н.
	Поганяйло С.О. – д.филос.н.
	Самроский Д.Ю. – д.и.н.,
	Чижиков П.П. – д.п.н.
	Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН
	Шелудько О.З. – к.ф.н.
	Шевцова О.В. – д.полит.н.
	Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор: д.фил.н. Андреева И.В.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56